Китайские народные сказки

Небесный барабан

Жил в Небесном дворце шэньсянь — бессмертный старец, и было у него семь дочерей, все уже взрослые. Самой младшей восемнадцать сровнялось. Отец очень боялся, как бы девушки не стали думать о земной жизни, а пуще того боялся, как бы они не нашли себе женихов в мире людей. Потому-то держал их старик в строгости, не велел им гулять, не велел развлекаться, и сидели они, бедненькие, во дворце, смертной скукой мучились.

Звали младшую дочь Ци-цзе*. Уж очень хороша была собой девушка. И вот однажды, когда Ци-цзе отдыхала в своих покоях, ее слуха коснулись прекрасные звуки флейты, они доносились в Небесный дворец из мира людей. Флейта пела так сладко, что Ци-цзе невольно заслушалась. Ей не терпелось узнать, кто это играет, и вместе с пятнистым оленем, который прислуживал ей, она тихонько вышла из дворцовых покоев посмотреть сквозь облака на землю.

Стояла весна. В мире людей наливались пурпуром персики, зеленели ивы. Парами летали ласточки. Молодые супруги пропалывали поле зеленой пшеницы, пели песни. Зависть взяла Ци-цзе.

Повернулась Ци-цзе в ту сторону, откуда доносились звуки флейты, смотрит — молодой крепкий юноша сидит под развесистой ивой, на флейте играет. Глядит на него девушка, глаз отвести не может. Глядела, глядела и влюбилась.

Догадался олень, о чем его хозяйка думает, и говорит ей на ушко:

— Ты посмотри, Ци-цзе, как хорошо у людей! Вот бы спуститься к ним погулять!

Ци-цзе только головой кивнула.

А олень опять за свое:

— Видишь, юноша играет на флейте? Уж до того трудолюбив! С рассвета до темна косит в горах траву! По нраву он тебе?

Покраснела Ци-цзе от стыда, а сама кивнула оленю головой и говорит:

— По нраву-то по нраву, только неизвестно, хороший он человек или дурной?

— Я вмиг это узнаю, хочешь, вниз спущусь?

Согласилась девушка, и олень стал потихоньку спускаться на землю.

Юношу, который под ивой сидел и на флейте играл, звали Ван Сань. Был он круглым сиротой, косил траву, тем и жил.

Кончил Ван Сань играть, поднялся, взял косу и только хотел за работу приняться, как вдруг видит — олень к нему бежит по дороге. Подбежал олень к Ван Саню, подогнул передние ноги, поклонился и стал просить:

— Спаси меня, братец-косарь! Спрячь поскорее! За мною волк гонится!

Спрятал Ван Сань оленя в копну, а сам на дерево залез. В тот же миг волк появился. Подбежал волк к дереву, запыхался весь и спрашивает Ван Саня:

— Не видел ты, не пробегал олень по дороге?

Махнул Ван Сань рукой на запад и отвечает:

— Видел, он вон куда убежал.

Услышал это волк и помчался дальше, на запад.

Вылез тут олень из копны и давай благодарить Ван Саня. Потом спросил, велика ли у юноши семья.

Вздохнул Ван Сань и отвечает:

— Эх, один я на белом свете. Один ложусь, один встаю.

Спрашивает его олень:

— Отчего же тогда не приведешь в дом жену?

Отвечает юноша:

— Беден я, кто же за меня пойдет?

Говорит олень:
— Не печалься, братец Ван Сань! При твоем трудолюбии да не найти себе жены?! Вот погоди, я тебя сосватаю!
Отвечает Ван Сань:
— Не знаю, как и благодарить тебя.
Говорит ему олень:
— Сейчас уже поздно, мне пора уходить, но мы с тобою вскорости свидимся. Понадобится моя помощь, оборотись на юго-восток, крикни три раза: «Брат олень! Брат олень! Брат олень!» Мигом явлюсь.
Сказал так олень и исчез. Собрал Ван Сань траву и домой воротился.
На другой день встал юноша чуть свет и снова в горы отправился. Подошел к реке, смотрит: девушка в розовом платье белье на берегу стирает. Глаза у нее большие, лучистые, руки умелые, быстрые. И собою хороша. Загляделся Ван Сань на девушку и про свою траву забыл.
А девушка стирала, стирала, да вдруг оступилась, в воду свалилась. Ван Сань и думать не стал, прыгнул за девушкой в воду, на берег ее вытащил.
Девушка промокла, дрожит вся и говорит Ван Саню:
— Ты и впрямь добрый юноша! Если твой дом неподалеку, дозволь зайти к тебе обсушиться.
Отвечает ей Ван Сань:
— Зайди, обсушись!
И пошли они рядышком к дому. Пришли, а около дома олень стоит, их дожидается, две пары платья держит.
Удивился Ван Сань и спрашивает:
— Ты зачем пришел, брат олень?
А олень рассмеялся и отвечает:
— Говорил же я, что приду тебя сватать. Эту девушку зовут Ци-цзе. Ради тебя она покинула Небесный дворец и спустилась на землю. Пришлись ей по нраву твое трудолюбие и доброе сердце, и согласна она выйти за тебя замуж. Ну как, возьмешь ее в жены?
Выслушал Ван Сань оленя, взглянул на Ци-цзе, и в сердце у него словно цветок расцвел; покраснел юноша и попросил Ци-цзе стать его женой. Счастливо зажили Ван Сань и Ци-цзе, усердно трудились. А олень часто приходил им помогать.
Узнал бессмертный старец, что его дочь вышла замуж, страшно рассердился, так и горит весь от злости. И вот однажды дождался он, когда Ван Сань в поле уйдет, спустился на землю и увел Ци-цзе в Небесный дворец.
Воротился Ван Сань с поля, а Ци-цзе дома нет. Стал он ее искать. Добрых полдня искал, нигде не нашел. Пригорюнился юноша и вдруг про оленя вспомнил. Повернулся он лицом к юго-востоку и крикнул три раза:
— Брат олень! Брат олень! Брат олень!
Только он это крикнул, а олень уже перед ним.
Говорит олень юноше:
— Братец Ван Сань! Узнал бессмертный старец, что Ци-цзе за тебя замуж вышла, рассердился, увел ее в Небесный дворец и посадил в тюрьму. Велела Ци-цзе тебе передать, чтоб ты гаолян посеял и хорошенько за ним ухаживал, еще лучше, чем в прошлые годы. А когда гаолян созреет, не снимай его весь, оставь на поле один самый толстый стебель. За ночь он вырастет до самых облаков. По этому стеблю доберешься ты до Небесного дворца и встретишься с Ци-цзе. И еще она просила, чтобы ты каждый день на флейте играл, ей тогда веселее будет. Крепко запомни, что я тебе сказал. А теперь мне пора. Ци-цзе ждет...

Не успел Ван Сань глазом моргнуть, как олень исчез.
Опечалился юноша. Поднял он голову, поглядел на небо, ничего не увидел, только черные тучи. Где-то сейчас его Ци-цзе? Взял юноша флейту и заиграл, чтобы жену развеселить. Никогда еще его флейта не пела так звонко. Нежные звуки неслись прямо к небесной тюрьме. Услышала Ци-цзе, как играет Ван Сань, и колодки на ногах будто легче стали.
Уж очень хотелось Ван Саню поскорее увидеться с Ци-цзе, и сделал он все, как она велела: посеял гаолян, ухаживал за ним старательно. И вырос гаолян высокий-превысокий. Смотрит на него Ван Сань — не нарадуется.
А гаолян день ото дня крепче становится. Вот и метелки появились. Сидит Ци-цзе в небесной тюрьме, ждет не дождется, когда гаолян созреет. День ей годом кажется.
Но вот наконец пришла осень, гаолян красным сделался. Висят на стебле метелки пушистые. Один стебель заметней всех, такого никто и не видывал — толстый, высокий, с целое дерево будет.
Убрал юноша гаолян, домой отнес, а самый высокий, самый толстый стебель на поле оставил.
Вырос он за ночь до самых облаков. Увидел его Ван Сань, обхватил руками, стал подниматься на небо.
Вот и Небесный дворец. Вышли навстречу Ван Саню шесть девушек, на всех платья одинаковые.
Спрашивает старшая:
— Кто такой и зачем пожаловал?
Отвечает Ван Сань:
— Я — муж Ци-цзе, ищу свою жену.
Обрадовались тут девушки, все разом воскликнули:
— Значит, ты и есть муж нашей младшей сестры?
Отвечает Ван Сань:
— Да, я ее муж!
Говорит старшая сестра:
— Увидали мы, что гаолян красным сделался, навстречу тебе вышли. Сестренка наша в небесной тюрьме томится. Да и оленя туда заперли за то, что он тебе весточку от нее передал. Сейчас ты все равно их не увидишь, так что спрячься пока...
Только она это сказала, как на дороге бессмертный старец появился. Идет, ковыляет, на посох опирается.
Показал старец посохом на юношу, спрашивает дочерей:
— Что за человек такой, откуда появился?
Отвечает старшая:
— Он прилетел с Земли на Небо!
«Видать, юноша этот умелый, раз сумел прилететь на Небо», — подумал так старец и спрашивает:
— Ты зачем пришел?
Отвечает Ван Сань:
— Я ваш зять, пришел выразить свое уважение и увести домой жену, вашу седьмую дочь.
Услыхал это старец, поник головой, потом улыбнулся ехидно и спрашивает:
— Хэй, хэй! Значит, ты и есть Ван Сань?
Отвечает юноша:
— Он самый!
А старец между тем надумал Ван Саню задачу задать, велел принести соху и говорит:
— Слыхал я, что ты мастер пахать! Видишь, на стене трава выросла? Ну-ка, перепаши ее! Сумеешь — отдам тебе дочь, не сумеешь — убирайся прочь!
Сказал так старик и заковылял по дороге.

Поле перепахать — лучшего пахаря, чем Ван Сань, и не сыщешь! Но как перепахать стену? Совсем было приуныл Ван Сань. Тут старшая из сестер и говорит:
— Не горюй, братец! Я помогу тебе.
Дунула она Ван Саню на ноги раз, дунула другой, встал юноша без труда на край стены, взялся за соху, вмиг перепахал всю стену.
Вскорости старец воротился, видит — на стене и травинки не осталось, про себя думает: «А парень и впрямь умелый». И решил старец еще одну задачу юноше задать. Велел он принести один доу** отрубей и говорит Ван Саню:
— Видишь эти отруби? Свей из них веревку. Сумеешь — отдам тебе дочь. Не сумеешь — убирайся прочь!
Сказал так старец и заковылял по дороге.
Из пеньки или из травы вить веревку — лучшего мастера, чем Ван Сань, и не сыщешь. Но как свить веревку из отрубей? Совсем было приуныл Ван Сань, но тут старшая сестра тихонечко ему говорит:
— Не горюй, братец! Я помогу тебе.
Дунула девушка на отруби, взяла горсть и начала веревку вить. Свила немного, Ван Саню отдала. Стал юноша дальше вить, вмиг веревку свил.
Воротился старец, увидал веревку, а она гладкая да скользкая. Что тут скажешь? Не смирился старец, новую задачу задал юноше и говорит ему:
— Ладно! Нынче отдохни, а завтра пойдешь на Обезьянью гору, добудешь для меня небесный барабан. Сумеешь — отдам тебе дочь, не сумеешь — убирайся прочь!
Сказал так старик и заковылял по дороге.
Пуще прежнего приуныл Ван Сань и думает: «Как раздобыть небесный барабан?» Но тут подошли к нему все сестры разом: третья, четвертая, пятая, шестая, и говорят:
— Не горюй, зять. Мы тебе поможем.
Третья сестра дала юноше холщовый мешок, четвертая сестра — топорик, пятая сестра — кремень, шестая сестра — иголку. Рассказали они юноше, что делать да как быть, чтобы небесный барабан добыть, и как после поступить. Не велели болтать, велели молчать, чтобы беды избежать да живым остаться.
Услыхал это Ван Сань, испугался, да что поделаешь! Надо выручать Ци-цзе!
Только рассвело, собрался Ван Сань в путь-дорогу, простился со свояченицами и отправился на Обезьянью гору.
Подошел юноша к горе, руками за колючий терновник ухватился, ногами в камни уперся — полез наверх. Уже руки у него в кровь исцарапаны, ноги в кровь стерты, платье в клочья изорвалось, а он знай карабкается да карабкается. Вот наконец и вершина!
Схоронился юноша в зарослях, огляделся. Куда ни глянь — обезьяны резвятся да скачут.
Небесный барабан на высоком дереве висит, обезьяны его стерегут. Вдруг заприметил юноша яму, спустился в нее, повалялся, весь в глине вылез, сел на камень, на солнышке сушится.
Об эту пору обезьяны с горы к горному потоку мыться бежали, увидели Ван Саня, за глиняного бодисатву его приняли, хватать его стали, каждая к себе тащит. Притащили к небесному барабану, рядом поставили и давай перед ним поклоны отбивать. Плоды с дерева сорвали, сложили у ног Ван Саня и — пэн-пэн-пэн, пэн-пэн-пэн — убежали. Одну старую обезьяну оставили стеречь небесный барабан.
Вытащил тут Ван Сань из-за пазухи холщовый мешок, рукой поманил обезьяну и крикнул:
— Живо в мешок полезай!
Обезьяна и думать не стала, прыгнула в мешок, а Ван Сань взял да и завязал его. Духом на дерево

взобрался, снял барабан, взвалил на спину и побежал прочь. Обезьяны сразу пропажу заприметили, всполошились, загудели будто пчелы в улье, вдогонку за юношей пустились.
Дун-дун-дун — бежит Ван Сань; пэн-пэн-пэн — мчатся следом за ним обезьяны. Видит юноша, что обезьяны близко, бросил на землю топорик. Вмиг бурная река разлилась, дорогу обезьянам преградила.
Хуа-хуа-хуа — зашлепали обезьяны лапами по воде, вплавь пустились.
Дун-дун-дун — бежит что есть мочи Ван Сань; пэн-пэн-пэн — мчатся следом за ним обезьяны. Видит юноша, что обезьяны еще ближе, бросил на землю кремень, вмиг за его спиной высокая гора выросла, дорогу обезьянам преградила.
Ци-лю-лю, ци-лю-лю — карабкаются обезьяны на гору.
Дун-дун-дун — бежит Ван Сань; пэн-пэн-пэн — мчатся вслед за ним обезьяны. Видит юноша, что обезьяны его настигают, бросил на землю иглу. Вмиг выросли за его спиной сверкающие скалы — ножи острые, путь обезьянам преградили.
Сверкают скалы — ножи острые, не взобраться на них обезьянам.
Убежал Ван Сань от обезьян, пришел в Небесный дворец. Встретила его старшая сестра, достала из хлопковой коробочки вату, велела Ван Саню уши заткнуть да палку крепкую припасти. Ван Сань так и сделал.
А бессмертный старец ничего не знает, сидит да радуется: «Хэй, хэй! Не вернется Ван Сань живым, разорвут его обезьяны».
Только он так подумал, вдруг Ван Сань в комнату входит, барабан на спине несет. Увидел старец — зять живой вернулся и барабан принес, еще больше обозлился, решил насмерть оглушить юношу и говорит:
— Дай-ка я проверю, настоящий барабан ты принес или ненастоящий!
Поднял старец свой посох да как ударит по барабану. Дон! — прогремел барабан; ша-ша-ша — посыпались с деревьев листья. «Ну, — думает старец, — оглушил я Ван Саня до полусмерти!»
А Ван Сань говорит, как ни в чем не бывало:
— Ну-ка стукни сильнее! А то я не слышу!
Подивился старец, еще сильнее ударил:
Дон! — грохнул барабан; гэ-ча! гэ-ча! — задрожали стены. «Ну, — думает старец, — если и на этот раз он жив останется!..»
А Ван Сань опять, как ни в чем не бывало, говорит:
— Ну-ка стукни сильнее! А то я не слышу!
А старец как ударил два раза по барабану, так у него в голове помутилось. Где уж ему третий раз ударять?!
— Не можешь? — говорит Ван Сань. — Дай я попробую. — Поднял Ван Сань посох. Дон-дон-дон — забил в барабан. Закачалось небо, ходуном заходила земля, опрокинулся навзничь вредный старик и дух испустил.
Сломал Ван Сань железные ворота небесной тюрьмы, снял с Ци-цзе колодки, вынул свою флейту и радостный вместе с женой спустился к людям.
Шесть сестер вместе с ними спустились на землю и нашли себе трудолюбивых мужей. Пятнистый олень тоже спустился к людям, и все они на земле зажили радостно и счастливо.

* Ци-цзе — букв. седьмая дочь.
** Доу — мера сыпучих тел, равная 10 л.